

Зинаида Гаврик

Королева
фальшивой
академии

Зинаида Гаврик

Королева фальшивой академии

«Автор»

2020

Гаврик З. В.

Королева фальшивой академии / З. В. Гаврик — «Автор», 2020

Ева – образцовая стерва, о которой грезят все парни академии. Они готовы на всё, только бы она обратила на них внимание. Однако после того, как она унижает на свидании одноклассника, с ней начинается происходить что-то странное: провалы в памяти, тревожные сны... А потом она случайно натывается на секретную комнату с жуткой старухой и узнаёт о себе страшную тайну...

© Гаврик З. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Зинаида Гаврик

Королева фальшивой академии

Глава 1

Я всегда давала парням ровно минуту, чтобы меня заинтересовать.

Пока ещё никто не справился с заданием.

Самым забавным было наблюдать, как их корчит после слов: «Твоя минута истекла. Свободен!».

Но когда ко мне подвалил тьюфак Эдик, я неожиданно согласилась пойти с ним на свидание, чем повергла в шок всю нашу группу.

Правда, мои лучшие подруги сразу поняли, что происходит, и обменялись очаровательными акульими ухмылками.

– Хочешь проучить его за дерзость? – мурлыкнула Алла мне на ухо, как только началась пара, и бурно обсуждающая невиданную новость группа расползлась по своим местам.

Я кивнула и сделала максимально невинное лицо, ведь до сих пор не до конца осознавший своё счастье Эдик в очередной раз повернулся и с надеждой посмотрел в мою сторону.

– Идиот, – фыркнула с другой стороны Карина. – Как он посмел к тебе подойти? Ева, ты должна наказать его так, чтобы он до конца своей никчёмной жизни вздрагивал при виде блондинок.

– Накажу, – пообещала я. – Он вообще на женщин не сможет смотреть.

– Королёва, Кошкина, Красавская! Хватит болтать! – рявкнул преподаватель. – А то рассажу! Разбавлю ваше три «К» другими буквами!

Он обвёл аудиторию взглядом, ожидая, что другие оценят его шутку.

Одногруппники покосились на меня, словно спрашивая разрешения.

Я сделала каменное лицо, и они промолчали. Просто на всякий случай. Вдруг я приму неуместный смех над своей фамилией за личное оскорбление.

А злить меня не желал никто.

Все отчаянно хотели со мной дружить.

И ради этого они готовы были выполнять за меня домашние задания, делиться конспектами и вообще всячески угождать. А я этим пользовалась.

На свидание с Эдиком я оделась, как женщина лёгкого поведения.

Мини-юбка больше походила на широкий пояс, высокие сапоги на каблуках подчёркивали стройные ноги. Кофта на маленьких пуговках едва не лопалась под напором груди. Свои длинные белокурые волосы я собрала в высокий хвост.

Макияж наложила так, чтобы взгляд несчастного дурачка постоянно соскальзывал на мои пухлые, сочные, влажно поблёскивающие губы.

Неудивительно, что при виде меня Эдик потерял дар речи.

Когда я вошла в кафе, он молча встал и по-джентльменски выдвинул для меня стул. Я сладко улыбнулась ему и села.

Игра началась.

Подошёл официант. Мы сделали заказ. Когда он отошёл, Эдик, сглотнув, выдавил:

– Ты такая красивая, Ева.

«Понятное дело, идиот!» – фыркнула я про себя, а вслух сказала нежным звенящим голоском:

– Правда? Умеешь ты сделать девушке приятно, Эд.

– А? Аааа... Да, – кивнул он с видом полнейшего придурка, буквально пожирая меня глазами.

Я выдержала паузу и опёрлась локтями о столешницу так, что моя грудь приподнялась и стала выглядеть ещё больше.

Парень при этом выглядел так, словно с ним вот-вот случится припадок.

– Знаешь, Эд, – проворковала я. – Ты молодец. Я видела, как нелегко тебе было решиться и пригласить меня на свидание. Но ты не струсил. Я впечатлена. Неужели я так сильно тебе нравлюсь?

Его хватило только на то, чтобы кивнуть.

– Но ты же понимаешь, что у такой девушки, как я, есть определённые требования к парням?

– Да-да, – закивал он, вообще, кажется, не отображая, что ему говорят. Я выдержала паузу, и дождалась, пока до него дойдёт смысл сказанного. – А... какие требования?

– Мне нравится, когда парень делает мне комплименты, пишет стихи, дарит цветы и изысканный шоколад...

– Всё сделаю! – обрадованно завопил этот лопух.

– Но ведь это было бы слишком просто, – мягко улыбнулась я, заправив локон за ухо. – Есть ещё кое-что. Правда, я не уверена, что ты – именно тот человек, которому я могу открыться.

– Ева... я для тебя готов на всё! – пылко воскликнул Эдик, сграбастав со стола мою руку и сжав её в потных от волнения ладонях.

– Замечательно, – мурлыкнула я, еле сдерживаясь, чтобы не отдёргнуться. – Кажется, я в тебе не ошиблась.

Так, теперь выдерживаем паузу, словно нет окончательной уверенности в том, что он достоин моей откровенности.

Эд, кажется, перестал дышать.

Наконец, я «решилась» и заговорила:

– Знаешь, почему у меня до сих пор нет парня? Я ищу особенного человека. Который будет готов для меня на всё. С фантазией, а не с этими скучными установками, от которых зубы сводит. Скажу по секрету: именно поэтому я отказываю большинству парней. Они слишком правильные, слишком скучные, без огонька. Они не любят эксперименты. Но мне показалось, что ты другой...

– Да! Я другой! У меня фантазия... ух, какая! Эксперименты люблю! – охотно попался в расставленную ловушку дурачок.

Я еле сдержала смех и заставила себя загадочно улыбнуться.

– Так и думала. По тебе видно, что ты не так прост... Именно поэтому я и согласилась пойти с тобой на свидание. – Он польщённо улыбнулся и расправил плечи. Ну-ну. Почувствуй себя особенным, пока можешь, озабоченный дурачок. – Тогда я должна тебе признаться. У меня есть одно слабое место, – я снова сделала паузу. Эдик наклонился вперёд, буквально впитывая каждое слово. – Мне дико нравится, когда парень изображает из себя... обслуживающий персонал. Ну, знаешь, надевает кружевной передник, чепчик и приносит мне кофе... Ох, я от такого просто с ума схожу!

Эдик опешил.

Некоторое время он молчал, переваривая услышанное.

А потом медленно повторил:

– Передник... кружевной?

– Именно так. Но учти, если ты соврал мне насчёт того, что готов к экспериментам, то я должна взять с тебя обещание. Ты никому и ни при каких обстоятельствах не скажешь про передник и чепчик! Не потому, что я стесняюсь, а потому, что я не хочу давать парням оружие

против себя. Ведь я сразу теряю голову, когда вижу очаровательного мужчину в переднике, который в своих сильных руках приносит мне собственноручно сделанный кофе... ммм... о, я в эти моменты готова на всё!

– Правда? Ну я, наверное, могу... эээ... попробовать, – осторожно сказал Эд.

– Это было бы здорово, – с придыханием ответила я и демонстративно облизнула губы. А потом, словно бы опомнившись, воскликнула: – Только пообещай, что об этом никто не узнает! Иначе я буду всё отрицать!

– Обещаю, – уже увереннее сказал он и заметно приободрился.

Кажется, моя заинтересованность в том, чтобы любой ценой сохранить тайну, окончательно помогла ему определиться с решением.

В самом деле, ну что такого страшного? Подумаешь, передник!

Разве это цена за то, чтобы удерживать рядом с собой самую шикарную девушку в академии?

А другие пусть завидуют и гадают, чем такой парень, как он, сумел её зацепить!

Судя по его затуманенному взгляду, он уже представлял себе, как мы идём вместе по коридору, он по-хозяйски обнимает меня за талию и называет «деткой», а все смотрят на него с завистью.

– Уверен? Надеюсь, ты не откажешься в последний момент? Ведь я уже представила тебя в переднике и с трудом держу себя в руках! – Я сделала мечтательный взгляд и томно вздохнула, заставив грудь соблазнительно колыхнуться.

– Не откажусь! Ради тебя, Ева, я готов на всё! – окончательно сломался Эд.

– Что же ты со мной делаешь... – простонала я, и робко уточнила: – А ты позволишь мне чуть подкрасить тебе глаза? Если я тебя очень-очень об этом попрошу... Как представлю этот твой выразительный взгляд, так голова кругом идёт...

– Да, – решил Эдик. После кружевного передника подкрашенные глаза не показались ему чем-то особенно неприемлемым.

– Отлично! И последняя ма-а-аленькая просьбочка. Выполнишь её и можешь делать со мной всё, что захочешь. Готов услышать?

– Конечно! Говори скорее!

– Тогда слушай внимательно, – сказала я очень мягко и нежно. – Прямо сейчас ты должен... закатать губу и пойти утопиться в унитазе. Потому что мне нравятся альфа-самцы, а не слизняки, которые смотрят мне в рот и соглашаются с каждым словом. Завтра же вся группа узнает, какая ты на самом деле тряпка.

Я достала из сумочки телефон и продемонстрировала ему включенный диктофон.

Эдик оцепенел.

Ему понадобилось время, чтобы осмыслить сказанное.

И вот, наконец, удар достиг цели.

Однако насладиться потрясением дурачка, осознавшего свой провал, мне не удалось.

– Вот, значит, как... – прищурился он.

Интонации у Эдика вдруг поменялись.

Внезапно я подумала, что он не такой уж и тюфяк.

Да что там, сейчас парень выглядел откровенно опасным.

Преображение было настолько невероятным, что я не на шутку испугалась. Кожа моментально покрылась мурашками. Что происходит?

– Всё, хватит игр! Не хочешь быть со мной, значит, не будешь ни с кем! – сказал он и жутко ухмыльнулся.

Меня разбудил звонок.

Сладко потянувшись, я обнаружила, что задремала на диване в своей комнате. Телефон лежал рядом. Я глянула на дисплей: звонила Карина.

– Да?

– Рассказывай! – потребовала подруга. – Как прошло свидание? Ты его уделала? Хочу услышать всё в подробностях!

– Свидание? – рассеянно повторила я, пытаюсь сосредоточиться. – Не помню... кажется, у него сдали нервы. Да, точно. Он же угрожал мне! А вот что было потом?.. – Я замолчала. Голова внезапно закружилась.

– Ясно. Ты, наверное, что-нибудь не то выпила, – сочувственно отозвалась подруга. – Небось, какой-нибудь коктейль заказала? Например, фиолетовый, с витой трубочкой. Он довольно крепкий. Особенно если на голодный желудок пить.

Я хотела возразить, но внезапно перед внутренним взором возникла картинка, как я потягиваю фиолетовый коктейль через витую трубочку.

– Да, точно. Надо же, а я совсем забыла.

– Неудивительно. Ведь он ударяет в голову. Наверное, ты до дома еле дошла!

– Возможно... А нет, точно! – Я вдруг припомнила, как шла, шатаясь и держась за стены. Правда, в этом воспоминании я видела себя как будто со стороны.

– Тебе комендантша замечание не сделала? Ну, знаешь ведь, как она обычно орёт: «Лучше бы учились хорошо, а не шлялись по кабакам!»

– Да-да, именно так она и орала, – растерянно отозвалась я. Как же я могла забыть?

Пока Карина об этом не сказала, в голове была пустота.

А сейчас я отчётливо видела вопящую комендантшу.

– Ну вот. Значит, ничего страшного не произошло. Просто надо отдохнуть.

– Да. Спасибо, Карина. А то я что-то совсем расклеилась.

– Бывает. Наверное, лучше тебе спать лечь? Не стоит являться завтра на пару с синяками под глазами. Могут ведь подумать, что вы с Эдиком провели бурную ночь, – она хихикнула.

– Тьфу на тебя, – вяло огрызнулась я. – Но ты права. Пойду спать.

– До завтра, королева моя.

– До завтра, кошечка.

Распрощавшись с Кариной, я заставила себя посетить душ, и легла спать.

Спала я тревожно.

Во сне я видела огонь, много огня.

Запястье обожгло болью, а потом я услышала женский крик.

Чуть позже стало ясно, что этот крик – мой.

Я подскочила на кровати.

Сон был настолько реалистичный, что у меня заболело запястье. В темноте мне показалось, что на нём проступили ожоги.

Я в ужасе включила настольную лампу и с облегчением выдохнула: кожа была чистой. Бывают же такие яркие кошмары!

Постепенно я успокоилась и снова уснула.

Под утро мне приснился ещё один гадкий сон.

Я видела себя в какой-то аудитории.

Вот только я не была красавицей-блондинкой, а была закомплексованной полноватой девочкой с проблемной кожей.

Во сне я подошла к одному из парней в аудитории и подарила ему валентинку, в которой было написано: «Ты мне нравишься».

Парень прочитал надпись и обидно захохотал.

А потом громко сказал, обращаясь к остальной группе:

– Ребята, в меня Королёва влюбилась! – Под дружный смех он снова повернулся ко мне и очень жёстко сказал: – Ты себя в зеркало видела, уродка?

Когда я проснулась, меня ещё некоторое время не оставляли эмоции после сна: стыд, жгучая обида, злость на себя и на этого парня, который потоптался по моим чувствам.

К счастью, я быстро очухалась, и напомнила себе, что в реальной жизни вся группа готова передрасться за право со мной дружить, а парни при виде меня едва из штанов не выпрыгивают.

Глянув на себя в зеркало, я окончательно успокоилась: даже после кошмарной ночи я выглядела весьма и весьма привлекательной.

Хотя еле заметные круги под глазами всё же обозначились.

Ну, ничего. Хороший макияж всё исправит.

Глава 2

Эдик на занятия не явился.

– Я слышала, он перевёлся, – легкомысленно ответила на мой вопрос Алла. – Видимо, ты действительно нанесла ему глубокую моральную травму.

Она хихикнула.

– И поделом ему, – хмыкнула Карина. – Другим неповадно будет. Пойдём по магазинам после пар? Или в кафе посидим?

– Потом решим, ближе к делу, – зевнула я в ответ. – Может, я в общагу уйду, отсыпаться. Что-то сегодня дурные сны мучили.

– Какие? – заинтересовалась Алла, переглянувшись с Кариной.

– Не помню, – соврала я. Не хотелось рассказывать им о том, что я чувствовала себя отвергнутой толстушкой. – Что-то неприятное.

Началась пара. Преподаватель что-то бубнил, я его не слушала. Недостаток сна давал о себе знать. Настроение было откровенно паршивым. Чтобы отвлечься, я даже начала записывать лекцию, но быстро передумала. Зачем утруждать? Каждый в этой группе будет рад поделиться со мной конспектом. У меня уже была пара постоянных «поставщиков» с наиболее разборчивым почерком.

С трудом дождавшись перерыва в середине пары, я сходила к автомату за кофе и, вяло перекидываясь репликами с подругами, принялась оглядывать аудиторию. Мне срочно требовалось поднять себе настроение. Мой взгляд остановился на Юле Петровой, которая активно флиртовала с Егором – самым красивым парнем в группе. Дождавшись, пока она посмотрит в мою сторону, я лениво поманила Петрову пальцем. Она боязливо поежилась, но подошла. Подруги расположились поудобнее, предвкушая неплохое представление.

– Кто тебе дал право флиртовать с Егором? – ласково спросила я.

– Но ты ведь с ним не встречаешься! – искренне удивилась Юля, поглядывая на меня с опаской.

– И что? Мне, может, нравится на него любоваться и думать, что я в любой момент могу его заполучить.

– Мы обе знаем, что даже если он будет встречаться со мной, ты сможешь его заполучить в любой момент, – опустив глаза, внезапно огрызнулась она. Мне это необыкновенно понравилось.

– Это так, – с милой улыбкой согласилась я. А потом чуть наклонилась вперёд и, вонзив в неё свой фирменный взгляд, закончила мысль: – Но после тебя мне будет неприятно к нему прикасаться. Так что сделай милость, убери свои пакли от Егора. Найди себе какого-нибудь зануду-лошка с невымытыми волосами в потасканном свитере. Хотя и такой, боюсь, побрезгует с тобой целоваться.

Алла и Карина обидно расхохотались. Сидящие рядом ребята тоже охотно поддержали веселье, стремясь заслужить моё расположение. Красная Юля выглядела так, словно готова была задушить меня голыми руками. Её ноздри раздувались, руки сжались в кулаки.

– Ты скоро пожалеешь обо всём, Королёва! – прошипела она. – Радуйся, пока можешь...

– За языком следи! – неожиданно рывкнула Карина. Та вздрогнула и тут же отошла.

– Спасибо, конечно, за помощь, но я прекрасно справлялась и сама, – сказала я подруге. – Ты всё веселье испортила. Мне ведь интересно, чем она собиралась мне угрожать.

– Прости, – Карина изящно пожала плечами.

Настроение всё же немного улучшилось, особенно когда Егор начал поглядывать на меня со значением, сдуру решив, что раз я отогнала от него Юлю, значит, примеряю его на роль своего парня. Я уже представила, как замечательно с ним можно будет поиграть, и воодуше-

вилась. Однако запал быстро прошёл. Накатила вялость. Не радовала даже злая задёрганная Юля, которую в угоду мне то и дело подкалывали одноклассники. Почему-то время от времени ныло запястье. Клонило в сон. Подруги безуспешно пытались меня подбодрить, а потом, осознав бесполезность своих усилий, оставили в покое. На последней паре я откровенно дремала.

– Королёва! – от строгого голоса преподавателя я встрепенулась. По правде говоря, Павла Сергеевича я побаивалась. Он не давал спуска студентам, принципиально не заводил любимчиков, а за попытку задобрить подарками на экзамене мог и хладнокровно валить студента раз за разом, пока тот не отчислится.

– Да, Павел Сергеевич!

– Ты сама выполняла свою последнюю работу?

– Конечно, – оскорбилась я. Кажется, он не поверил. И правильно. Ведь я даже не помню, что за последняя работа.

– Есть несколько вопросов по ней. Останься после занятия. Хочу убедиться, что ты действительно понимаешь материал.

– Блин, – прошипела я себе под нос под сочувственным взглядом подруг.

До конца пары я сидела тихо, как мышка, надеясь, что Павел Сергеевич отвлечётся на других нерадивых студентов и забудет про меня. А я улизну под шумок. Однако не тут-то было. Нет, поначалу-то казалось, что всё получилось. Когда прозвенел звонок, он как раз распекал одного из моих одноклассников и, судя по виду, останавливаться не собирался. Я подхватила сумку и, прячась за спинами подруг, двинулась к выходу.

– Королёва! – строгий окрик заставил подпрыгнуть всех студентов без исключения.

– Чёрт... – пробормотала я.

– Тебя подождать? – заботливо уточнила Алла.

– Нет, идите. Кажется, я не скоро освобожусь. Да и что-то я не чувствую себя сегодня способной на подвиги. Наверное, в общагу сразу двину, отсыпаться. Если выживу, – я с опаской покосилась на преподавателя.

Подруги разочарованно кивнули и вышли, а я обречённо подошла к Павлу Сергеевичу, который, не глядя на меня, делал какие-то пометки в журнале.

– Сядь пока! – он кивнул на первую парту.

Я послушно села, завистливо поглядывая на выходящих из аудитории студентов. Последней, кинув на меня злорадный взгляд, вышла Петрова.

Как только в аудитории никого не осталось, Павел Сергеевич встал и закрыл дверь. Не прикрыл, а именно закрыл. Я услышала, как щёлкнул замок. Бойтся, что я сбегу? Или психологически давит? Хотя на него это похоже. Он известный любитель таких вот психологических штучек. Эх, не будь он моим преподавателем, я отплатила бы ему той же монетой! А так придётся спрятать зубки и притвориться милашкой.

– Какой у тебя задумчивый взгляд, Королёва, – заметил Павел Сергеевич. – Прикидываешь, как раздалась бы со мной при других обстоятельствах?

– Ну что вы такое говорите, Павел Сергеевич? – обиженно пропела я серебристым голоском, неприятно удивлённая его проницательностью. Он усмехнулся и встал прямо передо мной. Пришлось поднимать голову и смотреть на него снизу вверх.

– А ты интересная девушка, Ева, – сказал он внезапно.

Я удивилась. Осторожно уточнила:

– Что вы имеете в виду?

– Я наблюдал за тобой. Ты здесь негласный лидер. Твои одноклассники боятся и уважают тебя. – Я уже хотела начать отнекиваться, когда он неожиданно закончил: – Мне это нравится.

– Правда? – Ничего более умного не пришло в голову.

– Правда, – очевидно, он решил, что я ещё недостаточно шокирована, поэтому добавил: – Я такой же.

«Будем держаться вместе?» – едва не ляпнула я ехидно, но удержалась. Шутить с Павлом Сергеевичем определённо не стоило.

– Всегда предпочитал сильных женщин, – продолжил он, не дождавшись от меня ответа. – А тебе был бы полезен такой покровитель, как я.

– В каком смысле? – Что-то не нравится мне, к чему он клонит.

– Хочу пригласить тебя на свидание, – перестал ходить вокруг да около Павел Сергеевич. Я аж подавилась воздухом. Закашлялась. Он терпеливо ждал ответа, так и глядя на меня сверху вниз. Внезапно поза показалась мне двусмысленной. Захотелось встать. На своих высоченных каблуках я была почти с него ростом.

– На свидание? – прохрипела, как только перестала кашлять. – Но как же... правила? Это не запрещено?

– Когда тебя волновали правила? – усмехнулся он. – Или я тебе не нравлюсь?

Павел Сергеевич был, без сомнения, эффектным мужчиной. Да что там, первое время Карина откровенно на него засматривалась, пока мы в полной мере не испытали на себе его мерзопакостный характер.

Но меня он никогда не привлекал. Ни в начале, ни тем более после.

Я как-то интуитивно чувствовала, что, встречаясь с таким, как он, вскоре перестану быть собой – яркой, наглой, вызывающе свободной. Скорее всего, он быстро отучит меня возражать. Хотя многие, надо признаться, вздохнут с облегчением.

Нет, на одногруппника с подобным характером у меня нашлась бы управа. Но преподаватель...

– Вы мне нравитесь как человек, Павел Сергеевич, – я говорила осторожно, тщательно подбирая слова. – Простите, но отношения с преподавателем для меня табу.

– Даже если они будут очень полезными для тебя?

Я встала во весь свой рост и решительно сказала:

– Да, даже в этом случае.

В конце концов, если Павел Сергеевич будет настаивать, я могу пойти к ректору. Однако он, как ни странно, не стал меня уговаривать. И угрожать не стал, хотя я почему-то этого ожидала.

– Не спеши отказываться окончательно. Может так случиться, что в ближайшее время тебе понадобится сильный союзник вроде меня. Подумай над моими словами.

У него что, помутнение рассудка? Какой союзник? Что вообще за фразы из дешёвого фильма? Хотелось многое ему высказать, но я удержалась.

– Я могу идти, Павел Сергеевич?

Некоторое время он просто на меня смотрел, а потом, к моему огромному облегчению, мотнул головой и коротко сказал:

– Иди!

Я вышла из аудитории шокированная.

Это что сейчас было, а?!

Голова неожиданно закружилась. То ли от нервного перенапряжения, то ли от недосыпа. Я шла, словно в тумане, хватаясь за стены. Как назло рядом никого не было: ни студентов, ни преподавателей.

Наверное, стоило остановиться и переждать приступ, но ноги словно сами собой шагали вперёд. Когда в голове слегка прояснилось, я вдруг обнаружила, что заблудилась. Вот уж не думала, что в родной академии такое вообще возможно.

В какой момент я свернула не туда?

И зачем вообще зашла в этот полутёмный тупичок?

Внезапно раздался скрип и впереди, выпустив полоску тусклого белёсого света, приоткрылась незамеченная мною до этого момента дверь.

Меня потянуло туда словно магнитом.

Чтобы пройти в низкий проём, пришлось согнуться в три погибели.

Едва я перешагнула порог, как странное состояние отпустило меня. В голове моментально прояснилось.

Я встала, как вкопанная, со страхом и изумлением оглядывая странную обстановку.

Тесная круглая комнатуха с неожиданно высоким потолком. Да что там! По правде говоря, я вообще не видела потолка. Вместо него далеко вверху грозовой тучей клубилась тьма.

А тусклый свет, который я видела снаружи, шёл от небольшого полукруглого окна, за которым беспрерывно двигались белёсые облака. Стекла, кстати, тоже не было.

Если бы я не попала сюда только что из коридоров академии, то пребывала бы в полной уверенности, что оказалась в какой-то старинной башне. Об этом говорило отсутствие углов, сырые шершавые стены и каменистый пол.

Из мебели имелся один только стул.

На нём сидела старуха.

Глава 3

Поначалу я приняла её за хорошо сохранившуюся мумию. Застывшее лицо с распахнутыми неподвижными глазами и приоткрытым ртом никак не могло принадлежать живому человеку.

Вот только её руки, вопреки логике, беспрерывно двигались. Да так быстро, что я с трудом могла уловить их движение взглядом.

Пальцы проворно бегали по чёрной нити, заставляя её каким-то образом менять цвет на серебристо-белый!

Но, по правде говоря, это было далеко не самое странное.

Начнём с того, что нить вытягивалась из шевелящейся под потолком тьмы, сама собой скручивалась и наматывалась на кружащуюся в воздухе заострённую катушку (в голове почему-то само собой всплыло слово «веретено»), а от катушки спускалась к рукам жуткой бабуся. Там нить моментально выплетала и уходила в окно. Причём процесс не прерывался ни на секунду.

Сказать, что я была в шоке – это ничего не сказать.

Я снова и снова оглядывала комнату, словно надеялась, что она исчезнет, сменившись привычной обстановкой.

Комната не исчезла.

Зато исчезла дверь, через которую я сюда попала.

А потом оказалось, что жуткая старуха всё-таки жива.

Дождавшись, пока я в очередной раз остановлю на ней свой испуганный взгляд, она моргнула и проскрипела:

– Ну здравствуй, Ева!

Готова поклясться, что изо рта у неё при этом вылетело облако пыли!

Она закашлялась, а потом что-то выплюнула в сторону. Я почувствовала тошноту.

Старуха ещё раз смущённо кашлянула и зачем-то пояснила, хоть я её ни о чём не спрашивала:

– Паук. И как они туда вечно пролезают, черти?..

Меня перекосило. Оценив выражение моего лица, старуха мелко задрезбуждала. Я вдруг поняла, что она смеётся. Почему-то этот противный смех привёл меня в чувство.

К слову, руки у бабуся продолжали жить своей жизнью, не сбиваясь при этом ни на миг. Они делали свою работу, а она словно бы и не замечала этого.

В моей голове роились вопросы. Отчаявшись подобрать наиболее подходящий, я брякнула:

– Что со мной? – Не знаю, к кому конкретно я обращалась. Наверное, к себе самой. Я не рассчитывала на ответ, так как считала всё происходящее плодом моего больного воображения. Но тем не менее мне ответили.

– Молодец, Ева, – голос старухи звучал всё твёрже и увереннее. – Ты выбрала самый правильный вопрос. С тобой действительно кое-что не так. Ведь ты живёшь не своей жизнью.

– Я, наверное, сплю и вижу кошмар, – пробормотала я.

– Нет, милая, – сочувственно отозвалась моя жуткая собеседница. – Это вовсе не сон. Однако ты действительно находишься внутри кошмара. Только не подозреваешь об этом. И жить тебе осталось всего ничего. Если, конечно, мы с тобой не поможем друг другу. Ты очень вовремя вывела Эдика из себя. Этот вспыльчивый идиот здорово повредил защиту фальшивой памяти, а твоя подружка Карина, сама того не зная, доделала дело своим грубым вмешательством в разум. Поэтому я смогла достучаться до тебя и привести сюда.

– Куда? – почти прошептала я. – Где я?

– Неважно пока. Все подробности потом, когда ты убедишься, что я не вру. А теперь слушай внимательно. Я сейчас буду задавать тебе вопросы, а ты отвечай на них быстро, не задумываясь. Готова? Впрочем, плевать. Можешь даже не отвечать вслух. Всё равно эти ответы не для меня. Они для тебя самой. Итак, на каком курсе ты учишься?

– На... втором, – помедлив, отозвалась я.

У меня мелькнула мысль, что я упала, стукнулась головой и теперь мне задают эти вопросы врачи, чтобы выяснить, не поехала ли у меня крыша. Как вы понимаете, мой мозг до последнего искал хоть какое-то объяснение происходящему.

– На кого ты учишься?

– На ме... менеджера, кажется, – в голове зашумело. Затылок начало ломить. Почему-то никак не получалось вспомнить точную специальность.

– На какого менеджера? – Как странно из её уст звучало слово «менеджер»! Однако её это не смущало. – Что конкретно ты изучаешь?

Теперь в добавление к затылку заняли виски. Я пыталась вспомнить, но никак не могла. Даже приблизительно.

А старуха продолжала меня добивать:

– Вспомни вид из окна своей общаги! Что там?

– Набережная...

– Ты гуляла по ней хоть раз?

– Конечно! Вроде бы... или нет?

Неужели за всё время учёбы я так ни разу не прошла по набережной? Как такое может быть?! Нет, нет! Наверняка я там гуляла! Просто забыла! Вот сейчас немного подумаю и вспомню.

– А что находится с другой стороны общаги?

Я впала в ступор. С другой стороны? А действительно, что там? Ведь я же должна знать! Почему же в голове пустота?

– Не помнишь, – с удовлетворением заключила старуха. – Конечно! Ты не помнишь, потому что ты никогда не выходила здесь на улицу.

– Что за чушь? Разумеется, выходила!

– Как же тебе не хочется расставаться с иллюзиями, упрямец. Ладно, тогда продолжим. Как ты попадаешь из общаги в академию?

– По подземному переходу, – отозвалась я. – Но это ничего не значит! Ведь я же хожу в кафе и в магазины! Вот совсем недавно я ходила на свидание с Эдиком!

– Ну-ну, – ехидно сказала старуха. – Ты помнишь, как собиралась на это свидание?

– Да!

– Помнишь, как входила в кафе?

– Конечно!

– А что было между этими двумя моментами? – Её торжествующий голос прозвучал на удивление звонко и пронзительно.

Однако я не обратила на это внимание.

Потому что я искала запрошенное ею воспоминание и не находила его.

Нет, я знала, что вышла из общаги и дошла до кафе. Но когда я возвращалась мыслями к этому моменту, то не могла найти там ровным счётом ничего. Ни изображения местности, по которой шла. Ни звуков. Ни запахов. Ничего.

Внезапно меня осенило.

– Кажется у меня провалы в памяти. Значит, я и в самом деле ударила головой! Это объясняет галлюцинации.

– Тыфу ты, дурища, – выругалась бабка. – Как с тобой трудно! Говорят тебе: память фальшивая! Кафе тоже находится внутри академии! И магазины! Просто тебе приказано думать, что это не так!

Я вскинулась, собираясь заорать на старуху. Эмоции требовали выхода.

Однако она внезапно сменила тон на ласковый.

– Перестань цепляться за ложный мир, малышка. Конечно, он красивый и привлекательный. Но это только кажется. В вашем мире некоторые люди откармливают свиней, чтобы потом их зарезать и съесть. Здесь роль этой самой аппетитной хрюшки досталась тебе. Ты даже не подозреваешь, какая участь тебе уготована.

– Замолчите, – жалобно попросила я.

Однако она неумолимо продолжала:

– Ты попала в логово к монстрам. Даже не просто к монстрам. Здесь собрались только грязные отбросы магического мира. Преступники и те, кто для выживания вынужден паразитировать на других. Даже в нашем, магическом мире их считают низшими существами. Их ставят на контроль и уничтожают при малейшем нарушении дисциплины. Поэтому они хотят покинуть наш мир и поселиться среди людей. Ведь там они из отбросов превратятся в королей! Но сделать так просто они это не могут. Если в человеческом мире они будут вести себя неосторожно и выдадут существование магических существ, то их найдут и немедленно уничтожат. Поэтому перед переселением они проходят здесь строгое обучение. Они учатся вести себя, как люди!

Бред! Ну что за бред!

– Я в академии, – упрямо проговорила я. – Всё это мне мерещится. Я в академии. Я в академии.

– Конечно, ты в академии, дурочка! – беззлобно рассмеялась адская старушенция. – Только эта академия для чудовищ. В ней учатся чудовища. Управляют ею демоны-преступники. А ты здесь – учебное пособие. Кукла для тренировок. Ты помогаешь студентам-выпускникам сдать последний экзамен. Если они проживут бок о бок с тобой определённое время и ни разу себя не выдадут, то их признают годными для того, чтобы отправиться на постоянное проживание в ваш мир! Именно поэтому тебя сделали стервой! Выпускники должны научиться в совершенстве себя контролировать. Им нельзя терять самообладание, ведь они учатся притворяться людьми! А ты, сама того не зная, помогаешь им в этом, Ева. Вот только не стоит рассчитывать на благодарность. Ведь тебе недолго осталось. По давней традиции, как только выпускной класс сдаёт последний экзамен, в награду им отдают «учебное пособие» для развлечения. И в эту ночь они получают возможность поквитаться за все свои обиды. Ты ведь понимаешь, что это значит для тебя? Мучительную смерть! Так что недолго тебе осталось править, королева. До выпуска меньше месяца.

В моей памяти вдруг против воли всплыли слова Петровой: «Ты скоро пожалеешь обо всём, Королёва! Радуйся, пока можешь». Нет! Это не может быть правдой! Всё это лишь моя галлюцинация.

– Я вовсе не учебное пособие! Я студентка! – мой голос звучал, как комариный писк. От слов старухи мороз драл по коже. – Я это точно знаю!

– Конечно, ты студентка. Точнее, ты была ею там, в своём мире. Так удобнее накладывать фальшивую память. Меньше риска, что она даст сбой. Твоё имя оставили прежним. Даже имена твоих одноклассников сделали точно такими же, какими они были в твоей реальной жизни. Ты – студентка, которую забрали из своего мира и переместили в этот.

– Нет!

– Знаешь, а ведь тебе ещё повезло. Ты очень легко приняла фальшивую память и великолепно вжилась в роль. Видимо, в своём мире тебе приходилось несладко. Из забытых тихонь получают самые лучшие стервы! Первоклассные! Вы крепко, до последнего, держитесь за

фальшивую память, потому что не хотите снова чувствовать себя ничтожествами. Именно поэтому тебя сделали учебным пособием именно в выпускном классе. Счастливица! Здесь все хорошо владеют собой. Прокололся только идиот Эдик. Хотя чего ещё ожидать от полукровки тролля и огненного демона? Удивительно, что он вообще проучился так долго! К счастью, он не успел сильно тебя повредить. Так, пара ожогов. Тебя успели спасти и подлечить. А ведь в других группах, особенно в начальных, «учебных пособий» хватает ненадолго. Иногда меньше чем на день. Монстрики там ещё только учатся владеть собой и постоянно ломают свои человеческие игрушки. Поэтому людей там приходится часто менять...

От ужасного осознания сказанного ею меня затошнило.

– Я не верю! Не верю! – заорала я.

– Этого следовало ожидать. Что ж, я ещё немного расшатаю твою фальшивую память и дам тебе возможность убедиться в правоте моих слов. На некоторое время ты станешь невосприимчивой к новым внушениям. Это значит, ты запомнишь всё увиденное и услышанное, хотя монстры будут уверены в обратном. Постарайся за это время не проколоться. Иначе немедленно умрёшь. Если они поймут, что ты хотя бы даже догадываешься об истинном положении дел... тогда тебе не позавидуешь.

Старуха запрокинула лицо вверх (я испугалась, что голова отвалится, слишком уж ненадёжной выглядела иссохшая шея) и с неожиданной силой принялась тягивать воздух. Часть тьмы под потолком скрутилась в воронку и на мгновение спустилась к её рту, а потом вернулась обратно.

Бабуся пожевала губами и выплюнула чёрную букашку, которая с жужжанием подлетела ко мне и... уселась прямо на запястье!

Я оцепенела, с ужасом глядя на тварь с длинным тонким хоботком, которым она тут же присосалась к моей коже!

Хотелось завизжать и стряхнуть гадкое насекомое. Но тело почему-то не повиновалось мне.

Резкая вспышка боли.

Тварь превратилась в дымок и втянулась в сделанную ею крошечную ранку, которая тут же затянулась, словно её и не было.

В голове мгновенно прояснилось. Затылок продолжало ломить, но теперь я всё ощущала на удивление чётко.

– Хватит на пару суток, – предупредила старушенция. – А теперь уходи. Вернёшься, когда убедишься, что я права.

Я снова обрела власть над телом.

Сзади что-то скрипнуло.

Я обернулась и увидела приоткрытую дверь. Ту самую, через которую сюда попала.

Я тут же двинулась к ней, боясь, что она в любой момент может исчезнуть.

Мне в спину донеслось:

– Запомни, если не сможешь удержать себя в руках из-за того, что увидишь или услышишь, к примеру, ахнешь или побледнеешь, то попытайся всё свалить на недомогание. Мол, сама не понимаю, что со мной: ломит тело, режет глаза, шумит в ушах. Запомнила? Говори в точности так, как я сказала, сама ничего не придумывай! Именно эти симптомы никого не насторожат! Так иногда бывает, когда что-то сильно расходится с привычной тебе реальностью, и фальшивая память заделывает разрывы. Ещё можешь сослаться на внезапную сонливость или повышенную усталость. Это тоже нормально, особенно после того, что сделал Эдик.

Я даже не обернулась. Выскочила из комнаты и оказалась в том же самом тёмном тупичке. Впереди виднелся коридор академии.

Глава 4

Обратный путь я запомнила в деталях.

Вообще, моя голова работала на полную катушку.

Постепенно боль в затылке притупилась, и теперь я пыталась убедить себя, что всё произошедшее мне просто привиделось.

Проблема была в том, что я отлично помнила и могла восстановить буквально по секундам всё, что было после укуса того насекомого, в том числе момент выхода из этой странной комнаты.

А ведь если бы я действительно упала в обморок, увидела странный сон про жуткую старуху и потом очнулась, то более-менее чёткие воспоминания должны были начаться хотя бы с пробуждения.

На самом-то деле, проверить, существует ли комната в реальности, было очень легко. Казалось бы, что мне стоило просто вернуться назад и нырнуть в тот тупичок? Ведь я отлично запомнила дорогу! Вот только я знала, что не сделаю этого. Не сделаю, потому что до истерики, до дрожи в коленях боюсь, что проверка даст положительный результат.

«А что, лучше жить во лжи?» – возможно, сказал бы кто-то умный.

Именно так.

Только представьте, что завтра узнаете, что всё, что вас окружает, – ложь. Родители на самом деле – неведомые чудовища, а друзья хотят вас убить. Посмотрела бы я, как активно вы отрицали бы действительность, цепляясь за привычную, тёплую, уютную иллюзию. Особенно если до этого вы были в восторге от своей жизни и не планировали ничего менять.

Поэтому я упорно продолжала идти в сторону общаги.

Мелькнула мысль выйти из академии наружу, но я снова струсила. Точнее нет, не так. Я двинулась в сторону выхода, но в какой-то момент у меня начали неметь ноги. А ещё внутри поселилась какая-то необъяснимая тревога.

Почему-то от мысли, что я продолжу идти в этом направлении, меня обуял ужас. Но стоило сделать шаг назад, как всё снова пришло в относительную норму. Ногам вернулась чувствительность, а удушающий панический ужас отступил.

Наверное, это нервное. Ладно, вернусь к себе в комнату и просплюсь, а уж потом буду проводить эксперименты. Вдруг мне только кажется, что голова ясно мыслит? Возможно, я всё ещё не очнулась, поэтому и не могу вспомнить момент перехода от сна к реальности.

Моя комната была настолько родной и привычной, что захотелось плакать. Я и заплакала. Упала на диван и разревелась в три ручья. Ревела долго и со вкусом, до тех пор, пока не кончились слёзы.

А потом я стояла у окна и долго смотрела на набережную. Набережная выглядела... обычно. Там прогуливались люди, вполне нормальные на вид. Они разговаривали между собой, смеялись. Ветер трепал им волосы. Я открыла форточку, в неё тут же ворвался запах моря. В комнате сразу же посвежело. Это всё реальность! Набережная, люди, родная академия. А старуха мне привиделась. Разве может быть по-другому? Да, сейчас кажется, будто я в деталях помню, как выходила из комнаты! Ну и что? Всему есть здравое объяснение. И я его непременно найду.

От данного самой себе обещания мне полегчало.

И тут же, словно Вселенная услышала мою мольбу о помощи, ожил телефон. Звонила Алла. Я ужасно обрадовалась её звонку.

– Привет, королева! У тебя всё в порядке? – мягко и сочувственно спросила она. Я едва снова не расплакалась.

Мне немедленно требовалось поговорить с кем-то привычным, с кем-то, кому я полностью доверяла. Вполне естественное желание человека, у которого весь мир перевернулся вверх тормашками. Кто, как не милая, чуткая Алла поможет расставить всё по местам? Она всегда и во всём меня поддерживала, готова была ради меня разбиться в лепёшку. Если кто-то и поможет мне выпутаться из затянувшегося кошмарного сна, так это она.

– Алла, мне плохо и очень нужно с кем-то поговорить, – хрипло сказала я и шмыгнула носом. – Со мной что-то явно происходит.

– Я к тебе сейчас приду! – тут же отозвалась подруга. Вместо облегчения внезапно кольнула тревога. Раньше бы я приняла её поспешность за заботу. А сейчас мне почудилось нетерпение.

– Жду, – помедлив, ответила я и отключилась.

Да что со мной?! Наверное, так люди и сходят с ума.

Я глянула на себя в зеркало и ужаснулась. Макияж потёк, и теперь я сама выглядела, как монстр.

Немедленно приводить себя в порядок!

Привычные хлопоты успокоили. Руки действовали словно сами собой, удаляя помаду, подводку, остатки туши и нанося пенку для умывания. Зазубренные до автоматизма движения. Наверное, правду говорят, что женщине для того, чтобы поднять настроение, нужно начать приводить себя в порядок.

Алла прибыла так быстро, что к её приходу я успела только умыться и нанести увлажняющую маску на опухшее от слёз лицо.

Как оказалось, Алла прибыла не одна. За дверью обнаружилась ещё и Карина.

– Девочки, – прошептала я, едва не плача от облегчения. Они выглядели в этот момент такими знакомыми и родными!

Подруги переглянулись.

– Ого, никогда не видела тебя такой... подавленной, – выразила общее мнение Алла. – Я думала, что тебя ничем не пронять. – Мне померещились нотки разочарования в её голосе. Однако почти сразу она исправилась и спросила очень сочувственно: – Что произошло?

– Скажи, кто тебя обидел, и мы его на части порвём! – пылко заявила Карина. Я невольно улыбнулась. Она всегда рвалась меня защищать.

– Со мной такое случилось... – начала было я, но тут же спохватилась, что мы так и стоим у порога. – Ой, чего это я! Проходите в комнату!

Подруги устроились на диване, я села в кресло напротив и задумалась. Внезапно мне пришло в голову, что мой рассказ будет звучать, как бред сумасшедшей. «Девочки, мне такое привиделось...». Выговориться-то я выговорюсь, но ведь перепугаю подруг. Они решат, что у меня крыша поехала. Хотя она и поехала. Может, и хорошо, если они возьмут меня под руки и, не слушая возражений, отведут к врачу.

– Ты чего замолчала? – уточнила Алла, как-то уж очень внимательно вглядываясь в моё лицо.

– Собираюсь с мыслями. Я только что поняла, что даже не знаю, с чего начать.

– Да говори всё, как есть!

Угу. А как есть? «Вам когда-нибудь мерещилось, что вы попадаете в тайную комнату с жуткой старухой? А мне да!». Бред. Такой бред, что даже на приличную галлюцинацию не тянет. Может, не стоит пока ничего рассказывать? Сегодня просплюсь, а завтра уже на свежую голову решу, что делать. Не исключено, что галлюцинаций больше не будет. Мало ли из-за чего мне могла привидеться бабуля? Может, я съела что-нибудь не то? Или Эдик на свидании что-то подсыпал мне в коктейль. Допустим, что-нибудь одурманивающее, чтобы потом воспользоваться моим беспомощным состоянием. Ведь после этого свидания у меня и случился первый провал в памяти. Кстати, неплохая версия.

– Из-за какой-нибудь ерунды ты не стала бы так мяться, – странным голосом сказала Алла и вновь переглянулась с Кариной. – Произошло что-то невероятное? И ты боишься, что мы не поверим?

Она попала в цель. И от этого во мне всколыхнулось смутное подозрение.

– Ты же знаешь, что можешь рассказать нам всё, – голос Карины стал каким-то мягким, глубоким и певучим. Он словно окутывал меня паутиной. На секунду я почувствовала лёгкое головокружение.

Внезапно заныло запястье, как раз в том месте, где раньше была ранка от созданного старухой насекомого.

Голова моментально прочистилась.

И в этот момент я увидела нечто необъяснимое.

Под кожей у Карины словно пробежала волна. Лицо посерело, сплющилось с боков, челюсть просела вниз, обнажив частокол невероятно длинных, тонких и острых, как иглы, зубов.

Видение длилось лишь миг. А потом я моргнула, и всё пропало.

Наверное, я как-то себя выдала.

Алла, которая не сводила с меня взгляда, резко подалась вперёд и спросила:

– Ты сейчас что-то видела?

В её голосе звучало нетерпение. Почему-то мне стало жутко.

Воздух в комнате как будто уплотнился.

От меня ждали ответа.

Лица подруг вдруг показались мне чужими и страшными.

На них застыло какое-то кровожадное выражение.

Собравшись с духом, я выдохнула, вспомнив последнее напутствие старухи:

– Мне плохо... Резь в глазах...

Едва прозвучали последние слова, как напряжение схлынуло. Девчонки сочувственно заохали, Алла потянулась к сумочке и достала какие-то увлажняющие капли.

– Держи! Помогают от сухости и раздражения. Я иногда ими пользуюсь.

До меня вдруг дошло, что всё это – остаточные галлюцинации. Меня всё ещё не отпустило! Впрочем, этого следовало ожидать. Однако, несмотря на приведённый себе здравый довод, где-то внутри всё же поселился червячок сомнения.

Подруги по-прежнему ждали от меня рассказа.

Я глубоко вздохнула и неожиданно для себя брякнула:

– Павел Сергеевич дал понять, что я должна с ним встречаться, если не хочу неприятностей.

– Вот тварь! – хором воскликнули Алла и Карина.

Следующие минут десять они, перекрикивая друг друга, награждали Павла Сергеевича самыми нелестными прозвищами. Я активно поддакивала, в душе недоумевая из-за того, что не рассказала подругам правду. А ещё большее недоумение у меня вызвало собственное чувство неожиданного облегчения, словно я только что избежала чего-то очень плохого.

Однако, стоило мне немного расслабиться, как Алла вдруг наклонилась вперёд и проницательно уточнила:

– Именно это выбило тебя из колеи?

Неужели она не поверила?

– Да. Он дал понять, что не оставит мне выхода! – огрызнулась я. И эта моя знакомая стервозная интонация, кажется, окончательно её успокоила.

Больше в этот вечер не было ничего подозрительного.

Девчонки просидели у меня допоздна. Они вели себя, как хорошие подруги: успокаивали меня, предлагали пути выхода из ситуации и придумывали, как можно отомстить «этому кобелю».

Всё было настолько обычно, что поверить в существование каких-то сверхъестественных сил казалось невозможным. Однако правду я им так и не рассказала.

Глава 5

После ухода подруг я сразу же легла спать. Ночь прошла спокойно. Я легко уснула и прекрасно выспалась. В этот раз меня не мучили странные сны. Проснулась я ещё до будильника. Вскочила с кровати и поняла, что отлично себя чувствую.

Нет, ну как я вообще могла поверить, что мои вчерашние галлюцинации имеют отношение к реальности?

Я отодвинула шторы и распахнула окна, подставляя лицо солнцу. День обещал быть ясным.

Обязательно после пар пройду по набережной, чтобы окончательно распрощаться с иллюзиями. А потом прогуляюсь с подругами по магазинам.

Одевалась я с особенной тщательностью. Мне как никогда хотелось чувствовать себя красоткой, ловить восхищённые взгляды и жить на полную катушку. Я как будто хотела доказать себе, что я живая, настоящая, что моя жизнь – это не какая-то декорация к спектаклю.

По коридору университета я шла с высоко поднятой головой и видела, как каждый встречный парень едва не сворачивает шею, провожая меня взглядом.

С Аллой и Кариной мы встретились возле аудитории. Видя, как я приближаюсь, они переглянулись и расплылись в одинаково широких улыбках. Кажется, мне удалось их поразить.

– Я всегда говорила, что ты – самый сильный человек из всех, которых я когда-либо видела! – с искренним восхищением выдохнула Алла. – Ещё вчера открывала нам дверь жалкой и разбитой, а сегодня уже восстала из пепла, как феникс! Выглядишь так, что с твоего пути хочется срочно уйти и прижаться к стене, чтобы ненароком не задавило харизмой.

– И чувствую себя так же, – подтвердила я. – Давайте забудем про вчерашний день. Я была сама не своя. Терпеть не могу проявления слабости. Хорошо, что такой меня увидели только вы.

Пары прошли... нормально. В этот раз я не считала ворон, а слушала преподавателей и старательно конспектировала лекции, к изумлению всей группы. А ещё и вопросы задавала, уточняя различные моменты!

Нет, у меня вовсе не прорезалась совесть, просто я хотела окончательно убедиться, что нам преподают настоящие предметы, а не создают видимость занятий.

И по истечении трёх пар я готова была с уверенностью заявить: никаких странностей не обнаружено! Ну то есть вообще никаких! Всё было так, как и должно быть.

Более того, я всё-таки вспомнила название своей специальности – «Управление персоналом»! Получается, я училась на менеджера по персоналу!

Ободрённая, я попыталась припомнить и то, как выглядит задняя сторона общаги. В этот раз никаких сложностей не возникло. В памяти всплыла картинка: разбитая парковка, пустырь и мусорные баки. Что ж, всё это ещё раз доказывало, что вчерашние видения были лишь следствием временного помутнения рассудка.

Подруги несколько раз спрашивали, с какой стати прорезалась такая тяга к знаниям, но я огрызалась в ответ, так что они быстро отстали. Я мысленно отметила, что моё раздражение их как будто успокаивает. Словно им нравится видеть меня именно вредной и противной.

Да уж, пожалуй, я правильно сделала, что ничего им вчера не рассказала. Не стоит им считать меня ненормальной. Не хочу видеть смесь жалости и брезгливости в их глазах.

А четвёртая пара у нас отменилась. И я очень обрадовалась, ведь вести её должен был Павел Сергеевич. Как-то не готова я пока с ним общаться. Вдруг снова начнёт намекать на свидание? Или это тоже мне привиделось? Что во вчерашнем дне было галлюцинацией, а что правдой? Не знаю.

– Чем займёмся? – спросила у меня Алла.

Я только хотела предложить им пообедать, а потом отправиться на прогулку по набережной и по магазинам, как вдруг к нам подошёл какой-то студент и сказал подругам:

– Кошкина, Красавская, вас вызывает ректор.

– А чего не по телефону? – удивилась я. Обычно из ректората нам звонили, если требовалось подойти и прояснить какой-то вопрос.

– Он на совещании сейчас, – тут же отозвался студент, как будто ожидал вопроса. – Освободится через десять минут. Отвлечься ему некогда, так что он быстро сказал мне фамилии девушек и номер аудитории, возле которой их можно найти, а сам снова погрузился в обсуждение.

Подруги ушли в ректорат, пообещав отзвониться, как только освободятся, а я решила отправиться в столовую и пообедать в одиночестве. Есть хотелось страшно. Видимо, так организм восстанавливался от потрясений.

Однако до столовой дойти так и не удалось.

Не успела я завернуть за угол, как кто-то обхватил меня со спины и зажал рот. Я рванулась. Бесполезно. Кто бы это ни был, хватка у него была железная.

Не теряя времени, злоумышленник сделал несколько шагов и втолкнул меня в какую-то аудиторию с такой силой, что я не удержала равновесие и упала на четвереньки, чудом не стукнувшись головой о парту.

– Теперь можешь орать: здесь все помещения звуконепроницаемые, – раздался позади знакомый голос.

Я резко обернулась, ещё даже не успев встать. У запертой двери стоял Павел Сергеевич.

Всегда подтянутый, строгий и дисциплинированный, сейчас гроза всех нерадивых студентов выглядел очень потрепанным. Волосы были взлохмачены, часть пуговиц на рубашке и пиджаке отсутствовала. Но самое жуткое – я готова была поклясться, что в его глазах горели два зловещих красных огонька!

– Что ты наплела ректору, дрянь? – прорычал он. С его лицом что-то явно происходило. Оно дёргалось так, словно что-то пыталось вырваться изнутри.

От ужаса я потеряла дар речи.

– Я так долго шёл к тому, чтобы получить пропуск в человеческий мир! Оставалось отработать один выпуск! А теперь из-за тебя придётся всё начинать сначала!

Его голос менялся, становясь ниже и глуше. Я была так напугана, что никак не могла понять, в чём меня обвиняют. Да это уже, кажется, неважно. Ведь, судя по всему, сейчас меня будут убивать.

Но, как выяснилось, я поторопилась с выводами.

– Зачем ты пожаловалась ректору, что я тебя принуждаю к близости, угрожая неприятностями? Это ложь! А за ложь нужно наказывать. Так что сейчас я наглядно продемонстрирую тебе, что такое настоящее принуждение! Хоть развлекусь, как давно мечтал, всё не так обидно будет... А ты потом ничего и не вспомнишь...

Он начал медленно приближаться, откровенно наслаждаясь моим ужасом.

Его лицо при этом продолжало меняться.

Челюсть выдвинулась вперёд, ухмылка превратилась в клыкастый оскал.

Я не могла поверить своим глазам! Как же хотелось упасть в обморок! Но что-то по-прежнему держало меня в сознании, не давая скользнуть в спасительную тьму.

Даже когда надо мной нависла жуткая собачья морда с ужасными красными глазами, я всё равно не смогла отключиться.

Он наклонялся, удерживая меня своим страшным взглядом, как верёвкой.

Ужасные челюсти оказались прямо перед моим лицом.

Я зажмурилась, ожидая самого худшего.

А потом почувствовала, как по моей щеке скользит влажный шершавый язык...

– На вкус ты, как конфетка, – глухо прорычали мне в ухо, обдавая жарким дыханием. Затошнило.

Но в этот момент, наконец, явилось спасение.

Дверь с грохотом распахнулась, словно её выбили тараном.

Я открыла глаза и увидела, как Павел Сергеевич резко выпрямился и шагнул навстречу прибывшему. А прибывшим оказался... заведующий кафедрой!

Надо сказать, наш завкаф (как мы привычно сокращали его должность между собой) был невысоким изящным мужчиной. А уж сейчас, стоя напротив озверевшего препода, в своём безупречном костюме с зализанными до зеркального блеска волосами, он и вовсе походил на хрупкую восковую куклу, которую можно сломать одним, не особенно сильным ударом.

И при этом испуганным завкаф отнюдь не выглядел. Кстати, а как он вышиб дверь? Ведь кроме него, в аудиторию никто не зашёл...

– Возьмите себя в руки, – распорядился заведующий кафедрой, с брезгливостью поглядывая на Павла Сергеевича. – И объясните, что здесь происходит.

Он мазнул меня равнодушным взглядом, как предмет мебели, и снова сосредоточился на преподае.

– Ничего не происходит, – мрачно ответил преподаватель, возвращая себе прежний вид. – Я всего лишь решил немного выпустить пар. Из-за этой девчонки отменили моё перемещение в человеческий мир, хотя я к ней даже пальцем не прикоснулся!

– И вы решили сделать своё наказание по-настоящему заслуженным, да? – насмешливо уточнил завкаф. – Идиот! Хорошо хоть мне на пути попались эти две дуры, которых вы спровадили к ректору! Иначе я бы не успел. Можете быть уверены, управление узнает о вашей несдержанности и мстительности.

– Да ничего бы с ней не стало!

– Павел Сергеевич! Мы вообще опасаемся принимать на работу оборотней, но вы, в отличие от ваших соплеменников, всегда демонстрировали здравомыслие и хладнокровие. Поэтому мы позволили вам остаться и даже собирались отправить в человеческий мир по истечении испытательного срока. Однако сейчас очевидно, что вы не способны адекватно реагировать на незначительные – прошу заметить! – потрясения. А что будет, если в человеческом мире кто-нибудь начнёт говорить вам грубости? Наступит на ногу? Всадит локоть в бок? Захочет обмануть? На всех бросаться начнёте?

– Я не собирался на неё бросаться, – мрачно возразил преподаватель. – Точнее собирался, но не в том смысле. Просто хотел спустить пар, ну и попробовать, каково это... с человеческой девчонкой. В любом случае чуть позже она ничего бы не вспомнила.

– А если бы вы потеряли контроль? Всем известно, что в зверином воплощении оборотней ведут инстинкты! Что, собственно, я только что и наблюдал. Думаю, лёгким развлечением дело бы точно не кончилось. У вас вылезли когти! Достаточно пары неловких движений, чтобы от девчонки остались только ошмётки.

Павел Сергеевич в этот раз даже не стал отнекиваться. Значит, такой сценарий был вполне вероятен.

– Всё равно скоро выпуск! А значит, её убьют. Так какая разница? – буркнул он. Меня начала бить крупная дрожь.

– До выпуска ещё дожить надо!

– Ну, возьмёте нового человека! Одним больше, одним меньше... Что такого-то?

– Идиот! – прошипел рассерженный завкаф. – Да вы хоть знаете, как трудно доставать людей, чтобы не вызвать подозрений! Думаете, мы просто хватаем их на улицах, что ли? Нет! Нам нужны определённые люди. Обязательно студенты, иначе фальшивая память не приживётся. Их приходится отбирать по возрасту, по семейному положению! Их не должны хва-

тяться! Приходится готовить убедительную легенду на случай, если кто-то задастся вопросом – а куда пропал наш друг, а? В конце концов, нам требуется получить согласие от самого студента, чтобы магия пропустила его через портал! Для этого приходится проводить тонкую психологическую работу с ним, чтобы представить всё так, будто мы предлагаем выгодную сделку. Понимаете вы это своей дурной звериной башкой? Нам гораздо проще нанять десяток таких, как вы, оборотней, чем найти одного подходящего человека! Так что осознайте, наконец, что вы хотели повредить дорогое имущество, принадлежащее академии! – он махнул своей маленькой ручкой в мою сторону. До меня не сразу дошло, что «имущество» – это я. – С чего вдруг вы вообразили, что имеете на это право?

– Но вы же потом отдадите её на растерзание одноклассникам!

– Во-первых, милейший Павел Сергеевич, они щедро платят за обучение. А вы – наёмный работник и должны знать своё место! Во-вторых, расправа на выпускном – это отличная мотивация соблюдать дисциплину в процессе обучения. Без этой мотивации мы не напаслись бы людей. А так они знают, что сейчас за порчу учебных пособий накажут, а вот потом, в конце обучения, можно будет за всё отыграться с полного одобрения ректората.

Окончательно раздавленный аргументами Павел Сергеевич хмуро пробормотал:

– Извините.

– Я поговорю с ректором о вас. Вам очень повезёт, если вы не вылетите отсюда прочь.

Преподаватель не осмелился возразить. Он сделал шаг ко мне и наклонился якобы для того, чтобы поднять с пола оторвавшуюся пуговицу.

Я услышала тихий шёпот на самой границе слуха:

– Я всё равно тебя заполучу, Ева.

Правда, к этому моменту мне было так плохо, что его угроза не оказала почти никакого воздействия.

Павел Сергеевич выпрямился и быстро удалился из аудитории, даже не оглянувшись на меня.

Завкаф же, наоборот, подошёл вплотную, присел на корточки и положил пальцы мне на виски.

– Слушай внимательно, Ева, – сказал он. – Ты забудешь эту встречу с Павлом Сергеевичем и будешь абсолютно уверена, что мы с тобой встретились в коридоре и вошли в эту аудиторию обсудить кое-какие вопросы по учёбе. Здесь тебе вдруг стало плохо из-за... хм... вчерашней вечеринки с подругами. Да, пусть так. Вы что-то пили и теперь у тебя похмелье.

Виски прострелило болью и на мгновение изображение в глазах поплыло.

Но лишь на мгновение.

Сразу же, будто бдительный часовой, заныло запястье. Ощущение было такое, словно кто-то крепко сжал его жёсткой горячей рукой, приводя меня в чувство.

Голова моментально прочистилась. Окружающий мир встал на место.

Вот только я отлично помнила, что здесь только что произошло. Помнила жуткую собачью морду Павла Сергеевича, вмешательство заведующего кафедрой и его слова про имущество.

Я помнила всё!

Наверное, мне следовало биться в истерике. Но... Ощущения были такие, словно мои чувства временно заморозились. Потом будет осознание и отходняк, но здесь и сейчас я будто поставила организм в аварийный режим. Надо действовать, чтобы выжить, а уж потом, когда опасности не будет, я позволю себе осознать в полной мере ужасную истину.

А может, после той старухи я была к этому подсознательно готова?

Это в первый момент казалось диким, невозможным то, что моя жизнь – вовсе не моя. Что я живу в какой-то жуткой постановке, играя отведённую мне роль. Сейчас же я как-то даже

свыклась с этой мыслью. Я её отрицала, но в глубине души уже представила себе, что будет, если это окажется правдой.

Заведующий кафедрой, которого, кстати, звали Филипп Романович, наклонился и вообще без усилий поднял меня и поставил на ноги. Колени подгибались, так что пришлось за него ухватиться.

– Как ты, Ева? – мягко и заботливо спросил он. Вот только теперь я ни на секунду не верила в его сочувствие.

– Плохо, – простила в ответ. Как хорошо, что не надо изображать уверенный тон! Боюсь, я бы с этим не справилась. А так... всё можно списать на похмелье. – Кажется, мы вчера... мы вроде пили...

А ведь мы не пили. Но теперь я уверена, что, когда в следующий раз увижу подруг, они будут выглядеть не лучше, чем я сейчас. И в один голос заявят: «Конечно, мы пили! Разве могло быть по-другому?»

Интересно, как часто мне проводили такие коррекции сознания? Старуха должна знать... Старуха...

Теперь встреча с ней виделась мне совсем по-другому. Кто она? Зачем я ей? В любом случае она, кажется, намекала на помощь. Других вариантов всё равно нет. Надо идти к старухе. У неё хотя бы можно получить ответы на вопросы...

Боясь в любой момент впасть в истерику, я уцепилась за этот нехитрый план действий и заставила себя думать только о нём: найти комнату, поговорить со старухой, узнать, зачем она мне помогает. Я твердила про себя эти три шага, как мантру: «Найти, поговорить, узнать. Найти, поговорить, узнать».

– Ну что ж ты так... Я всё понимаю, конечно. Сам был студентом когда-то... Но ведь надо знать меру! Конечно, в таком состоянии мы ничего обсуждать с тобой не будем. Поговорим потом. Иди в свою комнату и отоспись.

– Да, так будет лучше, – пробормотала я.

– Давай-ка провожу. Ты на ногах еле держишься. Ох уж эта безалаберная молодёжь...

Завкаф повёл меня в комнату, не переставая при этом ласково выговаривать мне за легкомыслие. Я кивала и виновато поддакивала, а про себя продолжала повторять мантру.

Постепенно тело начинало слушаться, и я всё меньше налегала на Филиппа Романовича. А возле своей комнаты и вовсе отстранилась, вполне уверенно стоя на ногах.

– Спасибо... дальше я сама...

– Да. Приходи в себя, Ева. И постарайся больше так не напиваться.

Надо же! Ни дать ни взять ласковый отец! Вроде укоряет, но при этом демонстрирует понимание... Гад! Как будто не он рассуждал о том, что расправа над человеком мотивирует студентов лучше учиться!

Внезапная вспышка злости придала мне сил. Боясь выдать эмоции, я кивнула, открыла дверь и поскорее нырнула в комнату.

Глава 6

Изначально я планировала подождать хотя бы минут двадцать, чтобы быть уверенной, что Филипп Романович ушёл. Но... Не прошло и пяти минут, как я почувствовала: если не пойду сейчас, то у меня начнётся срыв. Нет, нельзя! Лучше злиться и действовать, чем корчиться на полу.

Не давая себе даже толком поразмыслить, я выскочила в коридор. Вокруг никого не было. Голова по-прежнему работала чётко, просчитывая маршрут к старухиной комнате, следуя которому было меньше вероятности кого-нибудь встретить.

Однако чуть позже я обнаружила, что встреченные на пути студенты словно меня и не замечают. Это было очень непривычное ощущение. Обычно я всегда шла по коридорам, провожаемая многочисленными взглядами. Впрочем, сейчас незаметность была мне на руку.

Комнату я нашла сразу. В голове словно сам собой возник чёткий план здания. Я вдруг поняла, что меня направляют. Пару раз я чувствовала непреодолимое желание спрятаться за угол. В эти моменты мимо проходили преподаватели. Меня так никто и не заметил.

Стоило нырнуть в тупичок, как тайная дверца тут же открылась, приглашая меня войти.

– А ты молодец, девочка, – одобрительно заявила старушенция вместо приветствия. – Крепкая! Я в тебе не ошиблась! До последнего боялась, что ты впадёшь в истерику. А ты удержалась. Железное самообладание! С таким бойцом у нас есть шанс на победу!

– Погодите-ка, – меня внезапно осенила догадка. – А сколько их было до меня?!

– Кого? – притворилась непонимающей старуха.

– Людей, которым вы открыли правду. Только не врите!

Она смущённо кашлянула.

– Двое.

– И... что с ними стало?

– Их нет. Они не выдержали. Всё выглядело, как крупный сбой фальшивой памяти. Такое изредка случается. Мозг не выдерживает нагрузки. Сначала наступает кома, потом смерть.

– А на самом деле... это вы их? – я со страхом покосилась на запястье. Жучок из тьмы у меня под кожей должен был только предотвращать вмешательство в разум, или у него имелась и другая функция? Охранная? Ведь старуха была заинтересована в том, чтобы её тайну не выдали.

– Да, – она и не подумала отпираться. – Но можешь поверить, для них это была милосердная кончина. Если бы не это...

– Я помню, – перебила я. Наверное, следовало возмутиться, но теперь, когда я знала правду... Действительно, если бы был выбор, я бы предпочла умереть от старухиной магии, а не на выпускном, где монстры будут вымещать на мне свои обиды.

Хотя какие у них могут быть обиды!

Ведь это не у них украли жизнь! Не их похитили из своего мира! Обиды!

Я снова разозлилась.

– Мне нравится твой боевой настрой, – одобрила адская бабуса. – Как же я рада, что выбрала именно тебя!

– Выбрали для чего? Что вы хотите со мной сделать?

– Вернуть тебя в человеческий мир, конечно!

Я загасила ярко вспыхнувшую надежду. Сначала надо узнать, какую цену попросят у меня за свободу. И не является ли это очередным обманом. Впрочем, даже если это и обман, сейчас я готова была рискнуть. Всё равно другого выбора мне не дали.

– Почему?

– Прежде чем я отвечу, подойди поближе, приподними платье и посмотри на мои ноги. Сама я этого сделать не могу – руки не подчиняются мне.

Просьба была странная, но я уже ничему не удивлялась. Да, бабуся выглядела пугающе. Но после ужасной собачьей морды Павла Сергеевича я бы могла, пожалуй, расцеловать её без особого душевного трепета.

А под платьем оказались массивные железные кандалы, настолько широкие, что они плотно обхватывали ветхие старушечьи ноги от ступней до колен!

– Вот поэтому я хочу помочь тебе, Ева. У нас с тобой есть кое-что общее – мы обе пленницы.

– Больно? – хрипло спросила я. – Как вы держитесь?

Она рассмеялась.

– Не думай об этом. Я не человек. Оковы не причиняют мне боли, они ограничивают мои силы.

– Кто вы?

– Не знаю, насколько вмешательство в твой разум повлияло на долгосрочную память, но... ты слышала про мойр?

– Да, – с удивлением поняла я. – Это... богини судьбы, нет? Они что-то там прядут... вроде как нити человеческих жизней...

Тут меня осенило. Я ещё раз глянула на руки старухи и завопила:

– Вы – мойра?!

– Да. Одна из них. Люди в незапамятные времена дали мне имя Клото, что означает «пряха». Собственно, ты тоже можешь меня так называть.

– Но... что вы делаете тут? Среди чудовищ? Как вообще можно заковать в кандалы богиню судьбы?

Вопросы сыпались из меня, как из мешка. Почему-то я ни на секунду не усомнилась, что она не врёт. После всего увиденного знакомство с настоящей богиней уже не казалось чем-то диким.

– Тихо, тихо. Не торопись. Сейчас всё узнаешь. У нас есть время, – успокоила меня мойра. – На самом деле, то, что я богиня, ещё не значит, что я неуязвима. У меня есть младшие сёстры, и однажды они вбили себе в голову, что я перестала справляться с обязанностями, – она ухмыльнулась. – Цивилизация, мол, катится в пропасть, а во всём виновата ты, Клото.

– Что они от вас хотели?

– Они хотели, чтобы я начала вносить изменения, – последнее слово старуха сказала, как ругательство. – Крупные. Для того чтобы быстро исправить все несовершенства мира. Вот только так нельзя. Можно сделать хуже.

– А сами они справиться не могли, без вас? Они же тоже мойры.

– Не могли. У нас разные обязанности. Я – старшая и главная, точнее, была ею. Все нити судеб были сосредоточены у меня в руках. Вторая сестра отвечала за случайности. Конечно, она тоже могла манипулировать событиями, но чем всё должно начинаться и закончиться, определяла только я. Третья сестра обрезала нити жизней, которым пришло время прерваться. Это если совсем просто объяснить. В общем, мы повздорили. Они решили от меня избавиться, чтобы занять моё место и самим создать гармонию в мире. Убить не смогли, но в итоге я оказалась практически без сил в одном из захудалых миров, где меня еле живую нашли демоны. Пользуясь моим беспомощным состоянием, они заковали меня в оковы и поставили себе на службу. М-да. Появись они чуть позже, я бы успела восстановиться и так просто не далась бы... Жаль, что собственную судьбу я увидеть не могла. У нас-то своих нитей нет, в отличие от всех прочих существ! Мы существуем вне всей этой системы.

– А кто теперь выполняет ваши обязанности? – невольно заинтересовалась я. – Кто плетёт нити судеб?

– Моя сестра, Лахесис, которая отвечала за случайности, – мойра вдруг мелко задрезжала, как будто вспомнила что-то очень весёлое.

– Что?

– У неё неважно получается! Видела, что в мире творится? Хотя как ты увидишь? Ой, не могу... Всё вышло из-под контроля... Уверена, что они меня теперь ищут, только найти не могут.

Я вежливо подождала, пока она отсмеётся. Причины веселья были мне непонятны, но расспрашивать её об этом больше не хотелось. Имелись вопросы и поважнее.

– Зачем демоны посадили вас сюда?

– Чтобы эту академию никто не мог обнаружить! Она вне закона. В магическом мире давно подозревают о её существовании, но никак не могут найти. А если бы нашли, давно бы уничтожили этот рассадник паразитов и закрыли портал в человеческий мир.

– Где-то тут есть портал? – правильно поняла я. Во мне снова вспыхнула надежда. Если найти портал, то я смогу вернуться! Знать бы ещё, где искать, чтобы не выдать себя при этом.

– Да. А как, по-твоему, они людей добывают и переправляют выпускников в человеческий мир? И этот портал выбрасывает массу энергии, которую легко засечь всем, кто хоть немного обладает магией. Такое не спрячешь! Если, конечно, под рукой нет послушной богини судьбы. Я беру эту энергию и переплетаю её в нейтральную. Так что благодаря мне в магическом плане академия совершенно невидима, и эти гады могут творить всё, что им заблагорассудится.

– Приблизительно понятно, – я собралась с мыслями. – Вы хотите, чтобы я вам помогла освободиться, а взамен готовы помочь мне вернуться домой. Да?

– Вроде того. Но я крепко связана с этой академией. Моя сила вплетена в каждый камень здесь. Чтобы освободить меня, нужно разрушить здание до основания. Тогда оковы спадут. Можешь мне поверить, я уже пыталась от них избавиться другими способами. Смогла только немного расшатать. Собственно, благодаря этому я и сумела привести тебя сюда.

– Надеюсь, вы не хотите этим сказать, что я должна разрушить здание?

– Хочу, – хихикнула старуха. – Только с твоими человеческими силами такое не проверить. А времени впрытук.

– И... что вы предлагаете?

Она почему-то не спешила отвечать.

Кажется, предложение было такое, на которое в здравом уме никто не согласится. Следующие слова старухи только подтвердили мои подозрения.

– Давай-ка я сначала полностью обрисую тебе картину происходящего здесь. Поверь, это важно. Пока ты ещё не до конца осознаёшь, во что умудрилась вляпаться.

– Да как это не осознаю-то, – запротестовала я, но договорить мне не дали.

– Ты небось думаешь, что если доберёшься до портала, то сможешь вернуться в свой мир? – проницательно спросила мойра. Конечно, она попала в цель.

– И что не так?

– До портала просто так не добраться, особенно тебе. Во-первых, он защищён так, что к нему не сможет подобраться даже преподаватель. Доступ имеют только демоны. К ним, кстати, относится и заведующий кафедрой. Ты ведь его видела! Вот и подумай сама, на такого просто будет воздействовать? – Я отрицательно мотнула головой, вспоминая, с каким опасением поглядывал на Филиппа Романовича оборотень. Зато теперь понятно, откуда столько силы в худошавом тельце. – Во-вторых, все твои передвижения контролируются. Стоит тебе пойти куда-то не туда, как первый же встречный донесёт об этом руководству. Если бы я не вмешалась, ты и сюда не смогла бы добраться незамеченной! Даже твои подруги приставлены к тебе не просто так. Думаешь, это ты сама решила с ними дружить? Как бы ни так! Тебе специально подобрали подруг из-за их особенных талантов!

– Вы про Аллу с Кариной?

– А про кого ещё? К примеру, Алла твоя – потомственная вампирша. Это значит, что у неё повышенное обаяние и способность мгновенно вызывать доверие. Она – первая, о ком ты должна думать, если нужно выговориться или доверить секрет. При желании она буквально распространяет вокруг себя волны спокойствия, заставляет расслабиться и потерять бдительность. Ты ведь ощутила это на себе? А Карина и того хуже.

– Кто она? – Я невольно поёжилась, вспомнив наваждение, которое посетило меня в комнате. Точнее, теперь уже было ясно, что это не наваждение, но в тот момент... – Какая-то жуткая тварь, да?

– Сирена. Сладкоголосая, но от этого не менее отвратительная. Чтобы ты не питала иллюзий, я должна сообщить тебе, что сирены – большие любительницы человеческого мозга. В прямом смысле. Они его высасывают. А ещё Карина может убедить кого угодно в чём угодно. Её задача – при необходимости мягко сглаживать замеченные тобой несоответствия и несуразности. Правда, когда Эдик прожёл дыру в твоей фальшивой памяти, её прямое грубое вмешательство только ухудшило дело. Заплатку она наложила, но трещины-то уже пошли! И ты должна быть ей благодарна за это! Иначе мне было бы тяжелее до тебя достучаться. Слишком уж крепко ты вцепилась в красивую жизнь и никак не хотела с ней расставаться.

– Бог мой... Мои лучшие подруги – вампирша и сирена...

А ведь я действительно думала о том, чтобы выговориться Алле! И если бы она явилась ко мне вчера без Карины, кто знает, что бы тогда произошло...

– А ещё тебя теперь преследует оборотень, – подлила масла в огонь мойра. – Он только и ждёт момента, когда ты хоть на мгновение останешься одна, без присмотра.

– Но ведь я не виновата, что Карина с Аллой передали наш разговор ректору! Почему Павел Сергеевич так на меня злится?

– О, там не только злость, милая. Он давно тебя возжелал, а обида превратила желание в одержимость. Оборотням это свойственно, даже самым хладнокровным. Им трудно долго обуздывать инстинкты. Ты думаешь, окружающие мужчины просто так пожирают тебя глазами? Думаешь, это притворство? О нет! Человеческая девчонка для них экзотика, желанный трофей. Особенно красивая, недоступная, стервозная. Разумеется, они все хотят попробовать, каково это – близость с такой, как ты. Если бы не строжайший запрет на принуждение...

– Умоляю, не продолжайте!

– Теперь понимаешь, что до портала тебе самостоятельно не добраться?

– Может, вы так говорите, чтобы я вам помогла! – вспыхнула я. – Ведь если я улизнаю в свой мир, то вам придётся искать нового подходящего человека! А это, судя по всему, непросто!

Мойра глубоко вздохнула.

– Ну допустим, улизнёшь ты в свой мир. Представим себе невозможное. И что? Думаешь, тебя там не найдут?

Я долго смотрела на неё и осознавала простую истину: бежать некуда. Действительно, с чего я взяла, что меня не разыщут? У них есть силы, которые мне и не снились! Куда я спрячусь? Без денег, с фальшивой памятью...

– А есть шанс, что моя собственная память ко мне постепенно вернётся? – спросила я с содроганием. Вдруг вмешательство в мои мозги что-то там повредило? И будут у меня двойные воспоминания! Как отличить, где реальность, а где ложь? Так и до помешательства недалеко!

– Не знаю, – даже и не подумала успокоить меня мойра. – Наверное. Но вот полностью или частично, тут я сказать не могу. Не было ни одной возможности проверить. Люди из этой академии никогда не возвращались.

– Послушайте, но ведь я вспомнила обратную сторону общаги! И название своей специальности вспомнила! Правильно ли я понимаю, что это выплыли воспоминания из прошлой жизни?

– Правильно! Если выживаешь, будет шанс проверить.

– Вы нарочно, да? – вдруг сообразила я. – Нарочно хотите мне показать, что положение безнадежное?

Она кивнула.

Я сползла по стенке и уселась прямо на грязный каменный пол. К счастью, он был тёплым и как будто даже едва заметно пульсировал.

– Как это могло со мной произойти? – тихо спросила я. Глаза защипало, а потом сами собой потекли слёзы. – Что я сделала не так? Почему именно меня выбрали для похищения?

Это была ещё не истерика, а так, момент слабости.

– Скорее всего, ты сирота, – равнодушно отозвалась мойра. – Да ещё и с комплексами. Тебя заметил один из подставных преподавателей в твоём родном учебном заведении и заключил с тобой сделку.

– Погодите! Вы сказали – подставной преподаватель?! В моём вузе?

– Ну да. А как, по-твоему, они работают? Здесь обучают не только студентов, но и готовят преподавателей, которых потом устроят в различные учебные заведения вашего мира. Ты же заметила, что лекции здесь читают по всем правилам? Задача таких преподавателей – отбирать подходящих человеческих студентов, которых можно похитить. Судя по всему, сам портал как раз ведёт в одно из ваших учебных заведений. Может, даже в то, в котором училась ты. Ну и вот. Тебя заметили, проверили, а потом пригласили на личную беседу, в процессе которой ты заключила сделку.

– О какой сделке вы всё время талдычите? – рассердилась я. – Ведь не могла же я согласиться на такое сама!

– Могла. Иначе тебя не сумели бы дёрнуть из своего мира. Есть множество ограничений, установленных специально, чтобы максимально усложнить воздействие на обычных людей. Одно из них – обязательное добровольное согласие на опасное магическое вмешательство. Правда, любое согласие можно получить нечестным путём... К примеру, достаточно сказать не всю правду. Допустим, тебе пообещали, что ты станешь красоткой и королевой академии, но только не уточнили, о какой академии идёт речь. А взамен ты должна всего лишь помочь одной группе сдать экзамен по психологии, так сказать, за пределами привычной реальности. Ты могла на такое согласиться?

– Да, – безнадежно признала я. – Я бы, наверное, решила, что речь идёт о другом вузе, а не о другом мире. Особенно если была бы уверена, что тот, с кем я договариваюсь, действительно может сделать меня красоткой. Но думаю, у них есть какие-то способы доказать, что они на это способны, да?

– Ещё бы. Методика поиска и добычи людей отточена до мелочей.

Я вдруг вспомнила сон, в котором видела себя полноватой закомплексованной девушкой. Если бы сразу после случая с отвергнутой валентинкой мне предложили стать невиданной красоткой, я бы наверняка согласилась. Людей ведь легче склонять к глупым решениям проблем, когда они в расстроенных чувствах. Пожалей, прояви мягкое сочувствие, а потом предложи какое-нибудь якобы волшебное средство... и всё. Так можно подсадить на алкоголь, наркотики или отправить глупую девицу, мечтающую о популярности, в академию чудовищ.

М-да. Ещё в начале этого разговора мне казалось, что хуже быть не может, но я снова ошиблась. Чёрная безнадежность накрыла с головой, как морская волна.

Не сбежать.

Не спрятаться.

Домой не вернуться.

Память может и не восстановиться.

Если я хоть чем-то выдам, что подозреваю об истинном положении вещей... мне не позавидуешь.

Мойра наблюдала за мной с удовлетворением. Надо было бы разозлиться, но почему-то не получалось.

– Вы добились своего, – я откинула голову на стену и прикрыла глаза. – Теперь говорите про ваш отвратительный план, на который, судя по всему, согласится только вконец отчаявшийся человек.

Глава 7

– Умная девочка, – одобрила мойра. – Ты всё правильно поняла. Проблема в том, что человеческой девчонке действительно не выбраться из этой ловушки. Это попросту невозможно. А значит, тебе придётся измениться. Есть один-единственный способ обрести силы. Но для этого... ты должна будешь умереть, Ева.

Ну кто бы сомневался. Конечно.

Я нервно рассмеялась.

Теперь понятно, почему старуха так долго готовила меня к этой новости.

– Процедура рискованная, не буду скрывать. Нет никакой уверенности, что всё получится как надо. С другой стороны, выбора тоже нет, так что попробовать, думаю, стоит.

– Конечно. Не вам же умирать...

– Не язви! Тебя никто не заставляет соглашаться. Хочешь, можешь уходить прямо сейчас. Только предупреждаю, тьма, которую я поместила в твою кровь, скоро вся выйдет. И тогда ты снова начнёшь подчиняться внушению. Понимаешь, к чему я веду?

Я понимала.

– Что за процедура? – спросила мрачно, уже зная, каким будет моё решение. Внутри неприятно разливался холод, вызывая мерзкие мурашки и сводя гадким предчувствием низ живота.

– Я поделюсь с тобой своей кровью. Есть обряд, который сделает нас кровными сёстрами.

– А зачем умирать?

– Потому что для начала нужно будет оборвать твою нить судьбы. В противном случае моя сила не приживётся внутри тебя. Я же тебе говорила, что мы, мойры, вне всей этой системы.

– Значит, если всё получится... я стану мойрой?

– Вряд ли, – не стала врать старуха. – Всю мою силу в жалкое человеческое тело не вместить. Но кое-какие способности должны появиться. Если повезёт, ты сможешь видеть чужие нити... Вот менять их вряд ли получится, на это не стоит даже рассчитывать. Ещё станешь невидимой для любого магического взгляда и для большинства артефактов поиска. Никто не поймёт, что ты уже не человек. И нам это на руку. Может, что-то ещё. Пока не знаю. Надо попробовать. Даже если просто станешь бессмертной, для нас это уже будет неплохо!

Я не могла не согласиться. Бессмертие было бы сейчас очень кстати. Вот только мне не нравилось быть подопытной крысой. Старуху, кажется, распирает азарт. Ей хотелось поскорее узнать, что из всего этого получится. Да уж. Я бы тоже предпочла наблюдать за обрядом со стороны.

– Ну так что? Ты согласна? Учти, времени на раздумья нет. У нас есть примерно полчаса до того момента, как в твою комнату без предупреждения заявятся подруги.

– Что? Вы хотите начать... прямо сейчас? – подступила паника. Меня затрясло. – Так б-быстро?

– Именно так! А ты как думала? Удобных моментов для проведения такого обряда немного. Чем дольше тянем, тем больше риск, что что-то пойдёт не так. К примеру, вот сейчас глава академии как раз удалился в человеческий мир, и нам это на руку. Он – один из сильнейших демонов и вполне может почувствовать неладное. К тому же у него есть некоторые артефакты, которые могут отреагировать на всплеск силы от обряда.

Я её почти не слушала. Сердце глухо билось в ушах. По телу расплзался холод. Яркое безжалостное осознание того, что я сейчас умру, почему-то свалилось резко и неожиданно, словно до этого мы обсуждали чью-то чужую судьбу, а не мою. До меня впервые с такой ясностью дошло, что всё это – не игра и не сон. И нет никакой надежды на пробуждение.

– А это... больно? – просипела я, сглотнув.

– Не особенно, – чуть помолчав, отозвалась старуха. Я почему-то ей не поверила.

Молчание затянулось.

– Ты отказываешься от обряда? – неожиданно мощный голос мойры эхом отразился от стен.

– Н-нет...

– Значит, ты всё-таки согласна?

– Да, просто...

– Знаешь, Ева, – перебила старуха. – На самом деле, чтобы начать, мне нужно было всего лишь твоё явное и озвученное вслух согласие. Глупо, конечно, но без такого согласия даже я не смогла бы провести обряд против твоей воли.

– Что? – не сразу дошло до меня.

– Согласие я получила. А содействие мне не требуется.

Я хотела заорать «Нет!», но тут знакомо заломило запястье, и что-то как будто сдавило мне горло.

Из-под пальцев старухи вырвался пучок исходящих тьмой нитей. Белёсая нить при этом так и продолжала уходить за окно, а остальные метнулись к моим запястьям и лодыжкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.